

— Какие чувства вы испытываете накануне столетнего юбилея Ильи Ильфа, человека вам не постороннего?

— Я, когда говорят: сто лет Ильфу, — теряюсь. Получается, во-первых, должен отделить его от Петрова, что мне не удается сделать, потому что это все равно одно слово: Ильф-И-Петров. А промежуточное «И» — просто имя: Илья. Во-вторых, как честный человек, должен сказать то, что я понял: либо я совсем не знаток (что отчасти верно), либо Ильф — человек без биографии. Бывают такие писатели. Кому как повезет. Повезло Пушкину, повезло Бродскому. Одного убили, другого посадили. А Александру Николаевичу Островскому не повезло. Вот так же в этом смысле не повезло Ильфу — человеку, видимо, прекрасному. Сужу по записным книжкам. Они столь обаятельны, умны и художественны, что по отношению к ним я применю слова — великий писатель, гениальный, самые высокие слова, которые сейчас, конечно, сильно девальвированы, но в данном случае совершенно уместны.

— Извините, может быть, я вас сбиваю, но хочется вернуться к тому первому «Золотому тельнику» в кино. Это какой был год?

— Шестьдесят восьмой год выпуска. А снимали мы в шестьдесят шестом — шестьдесят седьмом. Режиссер — Швейцер Михаил Абрамович и его соавтор, сейчас находящийся буквально при смерти, — я вчера у них был — Софья Абрамовна Милькина, его жена. Они эту картину задумали, пробили и, на мой взгляд, замечательно осуществили.

— По-моему, это до сих пор единственная удачная экранизация Ильфа-И-Петрова...

— Конечно! Потому что Швейцер всегда чувствует время, которое снимает. А это время — двадцатые годы — у него получилось во плоти.

— Вы сказали — «во плоти»?

— Да, хотя, на мой взгляд, Бендер — фигура совершенно не плотская. Чисто литературная. Это, по-моему, мечта об идеальном человеке.

— Об идеальном? То есть Бендер — тот самый единственно удавшийся положительный герой советской литературы, о необходимости которого так долго говорили большевики? Чем же Бендер идеальный?

— В нем сочетаются интеллигентность, артистизм, юмор и легкость его авторов — и ловкость, пробивная сила, мускулистость, успешность человека, который прямо противоположен этим авторам. Такого в природе, вообще говоря, быть не может. Он для меня стоит в ряду великих литературных героев, которые не могут получить буквального телесного воплощения: Дон Кихот, Дон Жуан, Остап Бендер...

— Ну хорошо... Конiec шестидесятых, и вы играете Бендера. Что еще — кроме его, так сказать, «идеальной сути» — вы хотели показать людям в те годы? Крах сильного человека перед всемогущей системой? Невозможность вырваться из нее?

— Для меня Бендер на то время был всем. И — загадкой в том числе. Поэтому сосредоточенность на нем стала и моей драмой. А это была драма! — преодоления комплексов и своей несостоятельности по отношению к персонажу, который должен быть идеальным мужчиной, идеальным собеседником, идеальным артистом... А еще — все знают, кто это такой, и

дают тебе советы... В общем, у меня наступил период кризиса, когда я был на грани даже не депрессии, а чего-то более серьезного. Тогда я попытался с точки зрения Бендера посмотреть на мир и стал писать «Дневники Остапа Бендера»: как бы он в моем положении, если бы ему пришлось играть самого себя, выходил из кризиса? Вот таким образом я и ползал...

— И все-таки что же вы играли?

— Трагедию индивидуализма. Бендер всячески защищает себя от — главной в то время — трагедии коллективизма, и ему это удается, потому что он очень сильный. Но в полном одиночестве быть тоже трагично.

Когда мне говорят, что сцена со студентами в поезде написана авторами в угоду цензуре, я проверяю — играю эту сцену. Она остается в фильме, и я не вижу белых ниток, не вижу! Это шутливо, лирично, психологически правдиво. И тут вот в чем дело. Остап все-таки хочет — хотя на фиг ему эти студенты нужны, они совершенно неинтересные и плоские, — но он хочет кого-то найти. Ну нельзя же всю жизнь играть одинокий театр и бросать перлы своего юмора Шуре Балаганову, который их все равно никогда не поймет и если засмеется, то совсем не над тем. Вот это «ненахождение» своей аудитории, вот это одиночество артиста, которое скрыто внутри так называемого великого комбинатора, — оно очень меня привлекало. Мне кажется, что люди, хотя и любят этого героя и даже меня за него, «одинокого артиста» в нем недооценивают. Его история — гораздо больше, чем просто история жулика. Бендер ведь вообще никакой не жулик, ничего похожего.

— Конечно! Но, к сожалению, после вас играли именно жулика. Пусть и обаятельного. У вас была ревность к другим Бендерам?

— Правду говоря: ни разу не ревновал. Хотя... Когда Пичул стал снимать «Золотого тельника» впервые после двадцати лет и придумал из Крылова сделать Бендера, мне от него предложили сняться в любом эпизоде, я отказался и сказал: «Нет, извините, я — Бендер». — «А вы что, хотели бы Бендера сыграть?» «Но я его уже сыграл! — ответил я. — Делайте своего». Но своего у них не получилось. Совсем. Это были выдумки, тут Ильф и Петров ни при чем.

Так что всерьез ревности не было никогда, а огорчения за персонаж бывали.

— А за его создателей вы не обижаетесь? С легкой руки Биленкова Ильфа и Петрова стало модно обвинять в презрительно-насмешливом (по соцзаказу) отношении к интеллигенции (почему-то отождествляемой с графоманом Василием Лоханкиным, а не с интеллигентным Бендером), сбрасывать с парохода современности, резко сменявшего курс... Да и заслуженной, по-моему, мировой славы — даже посмертно — им не досталось...

— Что для нас, для всех живущих на территории бывшего Советского Союза, эти романы? И почему они не стали столь знамениты в мире, как, скажем, «Мастер и Маргарита»? Потому что, я полагаю, это очень советские романы, а мы очень советские люди. Я говорю совершенно не в уничижительном смысле. Я категорически отрицаю попытку не заметить, что мы прожили нашу жизнь в определенном месте и в определенном времени, попытку сказать, что в семнадцатом году кончилась история и началась снова в 91-м. Говорят: нужно соединить концы, мы

О. Бендер о своих родителях,

которых большевики не посадили, но диссиденты осудили

Думаю, что не оскорблю светлую память Андрея Миронова и не задену национальных чувств грузинской интеллигенции, если скажу: лучшим Бендером был и остается Сергей Юрский — в швейцарском «Золотом тельнике». Гомашвили сыграл вульгарного мошенника, предтечу «жучков» 70 — 80-х, а Миронов вообще в основном пел в мюзикле, да и не его это была роль... В общем, так случилось, что я говорю «Бендер», подразумеваю «Юрский»... Иногда и обратное верно. И потому сегодня, накануне столетия одного из создателей любимого народного героя, захотелось задать несколько волнующих меня вопросов Сергею-Остапу Юрскому-Бендеру. Он любезно согласился ответить — причем не вопросом на вопрос: мол, а может, тебе еще ключ от квартиры, где деньги лежат? А вполне откровенно и подробно. Итак...

царская империя, наш последний писатель — Чехова, ладно, не заметим — Василий Розанов, все остальное не существует, есть только диссиденты или те, кого судьба сделала диссидентом, как, например, Булгакова или Пастернака... А если бы Пастернак не написал «Доктора Живаго» и не переслал его за рубеж, Пастернака бы тоже не было?

— Хотя «Живаго» — отнюдь не лучшее, что он написал...

— А романы Ильфа и Петрова — почему они были и остаются так любимы? Почему фильмы, которые по ним делаются, так притягивают людей? Потому что это наш способ смотреть на себя, это наш способ шутить... Уверенное юмористическое отношение к себе.

А это значит — объективное отношение, лишенное фанатизма и фанатерии, — бодрое! Противостоящее тому периоду, когда, скажем, было послевоенное безумство с самоутверждением России. Именно тогда, после войны, во время борьбы с «космополитизмом», романы Ильфа и Петрова запрещались. Нельзя было над собой шутить. Мы же лучше всех!

— А сейчас мы случайно не подходим к тому, что Ильфа и Петрова могут снова запретить? Ну если не запретить, то назвать «совком» и выкинуть на свалку?

— Сейчас державный шовинизм, к сожалению, может победить, а тогда что угодно повторится. Но есть опасность и с другой стороны — со стороны фанатического интеллигент-

ского ущемленного сознания. Так сказать, крайнего диссидентства. Вот тут и происходит то, о чем вы говорите: а уж не оскорбил ли он интеллигенцию? То, что задел чиновников, — это ладно, даже хорошо. Что «оскорбил» старика (Паниковский) — тоже ничего. А вот то,

что интеллигента, который пишет стихи, — ужасно! Неужели интеллигенция так хлипкая, что она не может посмеяться над собой?

— А мне это напоминает письмо директора Главпочтамта небольшого уральского города, в молодежной газете которого

сил большее количество раз, чем...

— Чем Булгаков переписывал?

— Гораздо больше! Так же и фразы Ильфа и Петрова я произносил столько раз, сколько они сами не произносили. И я наблюдал реакцию гигантского числа людей на эти фразы.

— Которой Ильф и Петров тоже не знали?

— Да. Поэтому я их исследую не умом, а нервами. И удерживаю, что один другой никак не вытесняет — Булгаков Ильфа, например, — и публика не делится на вдохновенно-божественно-христианскую, которая

ра я

склоняется к во все, кстати, не христианскому писателю Булгакову, и на полных атеистов, которые радуются шуткам о ксендзах и потому любят Ильфа и Петрова.

А вот почему произведения Ильфа и Петрова не становятся мировыми? Думаю, именно потому, что это наш юмор. Как мы все-таки пользуемся пока еще словарем и лексикой Пушкина, так мы пользуемся юмором, способом отличать смешное от несмешного, слишком серьезное от естественного — Ильфа и Петрова. То есть они — камертон естественности нашего поведения.

А за границей мы чем-то мучаемся... Когда мне довелось задуматься: что же меня там напрягает, чего мне не хватает? Ведь все вроде бы хорошо, кроме... Кроме того, что, с их и с моей точки зрения, смешно и не смешно совершенно разное. И это касается прежде всего Ильфа и Петрова.

— Расскажите, наверняка что-то было...

— Однажды на гастролях в Калифорнии ко мне подошли два американца из Стэнфордского университета. И говорят, что они создали общество Ильфа и Петрова, а ко мне пришли как к исполнителю роли Бендера в «Золотом тельнике», которого каждый год крутят и студентов на нем

231

Ильф и Петров